

КСЕНИЯ ЗЕМСКОВА
ЕЛЕНА КЛЕПИКОВА

∞ ☀️
↩️ КРОЛЬ
КОРОЛЕВЫ,
или ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН

повесть

Издательский Дом Мещерякова • Москва • 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Настя скучает по подруге, узнает о приезде бабушки и перебирается в комнату брата

«У КАЖДОГО должна быть своя

Жанка!» — Настя в отчаянии стукнула кулаком по деревянной полочке. От удара пиала с солью, стоявшая на краю, свалилась точно в сковородку, засыпав глазунью ровным слоем соли. Настя попробовала аккуратно сгрести ее в сторону, но ничего не вышло, и она выбросила испорченную глазунью в мусорное ведро. Она привыкла завтракать в одиночестве, ранним утром, пока домашние еще спали. Но сегодня завтрак не удался.

Прошла уже неделя, как лучшая подруга уехала навсегда в далекую Польшу. «Полячка выискалась, надо же! Видите ли, в ней четверть польской крови! — Настя с шумом бросила сковородку в раковину, схватила сумку и, выскочив на лестничную площадку, захлопнула дверь. — Опять мама будет ворчать, что я с утра как бешеный мустанг на тренировку собираюсь. Интересно, почему мустанг и зачем ему тренировка?»

Тихая, сонная квартира оживет лишь через час, когда прозвенит папин будильник и мама начнет собирать Стаса в школу. А Настя к тому моменту уже проплывет несколько бассейнов кролем или брассом. Но вот только рядом не будет пыхтеть верная Жанка. И не будет больше их невероятных трюков и забав в бассейне. И они не устроят засаду Тимке, подсунув ему чужие ласты перед тренировкой. И не поныряют за очками с бортика, пока тренер отвернулся. И не обрызгают девчонок, вышедших из раздевалки последними. «У каждого должна быть своя Жанка! — повторила она. — А у меня теперь ее нет!»

Как во сне она брела по улице, вспоминая их совместные проделки. Как во сне она добралась до спортивного комплекса, прошла через турникет охраны, вдохнула привычный теплый запах хлорированной воды. Вика и Мари уже шушукались и хихикали в раздевалке. В команде девчонок прозвали Викомарики — так уж сложилось одно общее прозвище из двух имен. Да и язычком они отличались острым, за словом в карман не лезли — жалили быстро и безжалостно. Настя машинально кивнула им, на автомате открыла сумку.

«Ну вот, в школе задают мало, погода на улице совсем летняя, а мне совершенно нечего делать вечером. С кем я буду гулять сегодня?» Настя никак не могла застегнуть купальник, перекрученные лямки стягивали плечи, как смирительная рубашка. «Да что же это такое! Смирительная рубашка... Смириться, смириться и как-то жить дальше».

— Настя, идешь? — окликнула Вика.

Настя дернула плечами, застегнула-таки поддавшиеся лямки и поплелась вслед за девчонками.

— Сегодня Маратовна гонять будет. — Вика попыталась перекрыть шум воды в душевой и судорожно закашлялась.

— Не кашляй, подруга, соревнования на КМС на носу. Кандидат в мастера спорта — это вам не котик начихал, это серьезно, — отозвалась Мари. — Готовьтесь, девчонки! Отожмет она нас сегодня.

«А ну и пусть отжимает. Выложусь на все сто, чтобы в голове не осталось сил ни на одну мысль! — Настя подставила голову под тугие, прохладные струи. — Как под дождиком пробежалась. Поскорее бы весна, что ли».

— Да-а, КМС это супер! Никому не помешает. — Настя с подругами по команде вышла к воде.

Сара Маратовна, стройная, подтянутая, в неизменном синем костюме и резиновых шлепанцах, уже стояла у бортика и, поглядывая на воду, щелкала секундомером.

— Пять бассейнов кролем, пять брассом, — сказала она вместо приветствия. Точнее, это и было ее обычным утренним приветствием.

Настя натянула на голову пеструю шапочку, заправила поглубже выбившиеся пряди. Нырнула хорошо: без лишних брызг и болезненного шлепка животом об воду. Она стремительно поплыла по дорожке — часто работая руками и ногами, чтобы быстрее привыкнуть к прохладной воде.

«Интересно, кого возьмут в сборную вместо Жанки? Может, переведут новенького из другого бассейна? — и тут же застонала: — Опять о Жанке! Плыдем быстрее!»

Сначала ничто не предвещало никаких «отжиманий». Маратовна решила подтянуть технику, и пловцы то и дело «зависали» у бортика, слушая разьясения тренера.

Настя любила плавать кролем на спине. Любила за более расслабленное дыхание, за быстроту и элегантность этого стиля. Она плыла вдоль бортика и старательно заводила сначала одну, потом другую руку высоко к голове, так, чтобы внутренние стороны рук почти касались ушей. И хотя руки быстро уставали от такой нагрузки, ей нравилось, что благодаря этим рывкам она быстро и уверенно продвигалась вперед. Маратовна шла вдоль края бассейна, внимательно наблюдала и что-то время от времени говорила. Настя не слышала что, но видела удовлетворенную улыбку тренера. Много усилий надо было приложить, чтобы увидеть эту улыбку!

Настя уважала Сару Маратовну за строгость и принципиальность, за неусыпное внимание к ним, юным пловцам, за бодрость духа и жизнелюбие. От тренера не ускользала ни малейшая деталь. После заплыва она могла собрать группу вокруг себя и каждому подробно объяснить его ошибки. Она помнила досконально слабости в техниках каждого и, казалось, могла даже повернувшись к ним спиной кричать на весь бассейн: «Тимка, опять отключился весь, ну-ка, соберись! Вика, почему ногами не рабо-

таешь? Настя! Прекрати зажимать шею, голова отвалится!»

Это именно Маратовна дала Насте лучшее прозвище в жизни.

После первой победы на соревнованиях то ли случайно, то ли в шутку тренер назвала Настю Королевой, поменяв букву Ё в фамилии «Королёва» на Е. Торжественно и громко она сказала: «Первое место в общем зачете — Королева Настя».

Прозвище быстро подхватили и стали дразнить: «Королева — а ну-ка, кролем! Королева — а ну-ка, брассом!» В конце концов прижилось уважительно-насмешливое: «Королева-баттерфляй».

До этого ее обзывали «ластоногой» — у Насти был самый большой размер ноги в сборной — тридцать девятый, несмотря на маленький рост. Кличку эту она терпеть не могла и намеренно стала откликаться только на царское «звание».

Руки отваливались вместе с плечами, но Настя плыла, стиснув зубы и не сбавляя темпа. После сорока минут тренировки начинает мучить жажда. И это так странно — вокруг вода, тело — все мокрое, и при этом отчаянно хочется пить. Вслед за жаждой приходит и чувство голода. Настя вспомнила несъеденный завтрак из пересоленной яичницы и сглотнула слюну.

Когда она окончательно превратилась в работа, молотящего руками и ногами по воде, Маратовна засвистела. Конец тренировки.

Как обычно, спортсмены повисли на лесенке, шутливо отпихивая друг друга — каждый стремился

вылезти наверх первым. «На суше» Настя, застонав от тяжести уставших рук и ног, поплелась в душевую кабинку. Горячая вода как будто взбодрила ее, но эта бодрость была обманчива. Вечером после тренировки она всегда падала в кровать, предвкушая восемь часов блаженной неподвижности, и мгновенно засыпала.

В раздевалке уже никто не разговаривал. Как обычно — все заняты только тем, чтобы побыстрее переодеться и убежать домой. И у Насти — пустая звонкая голова, которая хочет только пить и есть.

В школе место за партой рядом с ней по-прежнему пустовало. Но это уже не ранило и не пугало так сильно — вместо острой тоски внутри поселилась тупая, еле слышная боль.

На большой перемене Настя даже сходила в буфет с одноклассницами и почти не сопротивлялась, когда к ней посадили троечника Арсена «на перевоспитание», как пояснила учительница.

Школа всегда была пустыней. «Что в школе?» — спрашивала мама по вечерам. «Ничего», — неизменно отвечала Настя. «Ну, ты прямо как в пустыню сходила». С тех пор и повелось. «Как школа?» — «Пустыня».

Первое, что увидела Настя, вернувшись домой, — вещи в коридоре. Ее вещи. Стопка учебников и тетрадей, картонные коробки с книгами, гитара, полиэтиленовые пакеты с одеждой. Спортивная сумка валялась на боку, и из нее выпали влажный кулечик и мочалка. «Пилить будут, что не повесила сушить».

Клетка с попугаем стояла здесь же, на полу, перепуганный Яшка метался по ней и возбужденно щебетал. Ни мамы, ни папы. Перешагивая через пакеты, Настя пробралась к себе и замерла на пороге.

«Нас обокрали!» — Настя прислонилась к дверному косяку. Странные вору лишили кровать постельного белья, забрали с полок книги, оставив после себя пустой письменный стол. На полу валялись газетные обрывки.

На пружинном матрасе сидел встрепанный Стасик. Почему-то с кроссовками в руках.

— Воры или ремонт? — спросила Настя и, не дождавшись ответа, буркнула: — Вали из моей комнаты.

— Сама — вали. Это уже не твоя комната, — насупился брат.

— Чего?

— Что слышала. Здесь будет жить бабушка. — Стас зашмыгал носом, готовясь расплакаться.

— Кто жить?! Бабушка?! — Настю передернуло. — Что за чушь ты несешь? — Она пошла на голоса родителей. Проходя мимо клетки с попугаем, провела пальцем по прутьям решетки, как по струнам: «Тр-тр-ррр». «Тр-тр-тррр! — возбужденно отозвался жако. — Яша хор-роший! Яша один! Стр-рашно! Стр-рашно!»

— Не трусь, серенький. — Настя подняла клетку и покачала, словно люльку с младенцем. — Не брошу!

— Не бр-рошу, не бр-рошу. Яша хор-роший! — успокаиваясь, заворковал в ответ попугай.

Так, с клеткой в руках, она и вошла в комнату Стаса. Родители деловито что-то обсуждали, разбирая

пакеты. И тут Настя увидела раскладушку в углу. Старую, совершенно невыносимую на вид раскладушку.

— Что все это значит? — спросила Настя.

Мама, заметив дочь, обрадовалась:

— Доченька, ты уже вернулась! — Она как-то поспешно и виновато отвела взгляд в сторону.

— Стасенька, надо поговорить. — Папа взял из ее рук клетку, поставил на стол, а Настю усадил рядом с собой на кровать брата. — Завтра к нам переезжает бабушка, — просто и буднично сказал он. Таким тоном говорят о дожде за окном.

— Зачем?

— Мама выходит на работу, и кому-то нужно присматривать за Стасом. Провожать-встречать из школы, делать уроки.

Мама продолжала сосредоточенно разбирать вещи.

— Но как же так? Моя комната, — выдохнула Настя.

— Какое-то время поживете вместе со Стасом.

«Не воры и не ремонт... Просто крыша у всего дома поехала! Со Стасом в одной комнате! Бабушка! — Настя рухнула лицом в подушку. — Не хочу! Не могу!»

— Не-ет!

— Мама, я не хочу с Наськой в одной комнате жить! — На пороге появился зареванный Стасик.

Настя оторвалась от подушки и с надеждой посмотрела на брата.

— Давайте я буду его из школы забирать, — заняла она.

— А тренировка? — спросил папа.

— А обед? — поддержала его мама.

Тут Насте в голову пришла гениальная мысль:

— В продленку его! В продленку!

— Обязательно, — сказал папа. — Как только у мамы закончится испытательный срок и ее возьмут на постоянную работу.

У Насти зародилась надежда.

— А сколько он длится, этот испытательный срок?

— Три месяца.

— Три месяца! — Настя опять упала лицом в подушку. Слова звучали глухо и невнятно. — Три месяца! Целых три месяца!

— Анастасия! — Папа тронул ее за плечо. Дочь притихла. Шутки плохи, если ее уже называют полным именем. — Стас на будущий год переходит в экспериментальную школу для особо одаренных детей, при Академии наук. Никаких проблем с продленкой и с «отводить-забирать» — автобус в восемь утра увезет и в семь вечера привезет. Неужели сейчас нельзя немного потерпеть? И вообще, мама сидит с вами дома уже тринадцать лет! И тут появилась возможность выйти работать по специальности в замечательное место, и вы не можете дать ей три всего месяца?

Стас перестал всхлипывать и уставился на маму. Она вытерла руки о фартук и присела на кровать, положив руку на голову дочери и подозвав к себе сына.

— Дорогие мои, — тихо и торжественно начала она. — Эта работа очень важна для меня. Бабушка согласилась помочь, и мы с папой благодарны ей за это. Так давайте поживем в мире и согласии?

— Хорошо, давайте поживем, — виновато прошептала Настя. — Но пусть бабушка со Стасом живет в его комнате, что тут такого?

— Бабушка? Со Стасом? — Родители переглянулись. — Но ты же сама знаешь, что это невозможно! — добавила мама.

И брат и сестра знали, что если родители что-то решили — так оно и будет. Настя еще пыталась сопротивляться, повторяла, что ей будет плохо с бабушкой и что она не хочет жить со Стасом. Но в глубине души знала, что все напрасно: впереди трудный путь договоров и компромиссов с братом, бабушкой, да и с собой, и что родители решили все окончательно.

Весь вечер Настя провела дома, утрамбовывая свои вещи в шкаф Стаса. Вот и не пришлось слоняться одной по улице, скучая по Жанке. И мысли в голове теперь были совсем другие.

○ бабушке.

○ ее дурацкой манере лезть не в свои дела и перedelывать все на свой лад.

○ ее противной привычке ходить по пятам и выключать за всеми свет. Бабушка берегла электроэнергию всего дома. Каждый вечер она прислушивалась к шагам на лестнице, дожидаясь последнего запоздавшего жильца. Потом с чувством собствен-

ного достоинства проходила по всем этажам, гасила свет и только после этого ложилась спать.

О бабушке, которую она невзлюбила с самого раннего детства. В ее присутствии она всегда чувствовала себя скованной, глупой и никому не нужной.

О непонятном и странном ей человеке, который будет жить рядом с ними три месяца и диктовать свои порядки всему дому.

Настя легла на скрипучую раскладушку и накрылась одеялом с головой. Мрак был вокруг, и мрак был внутри нее.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Настя ссорится с бабушкой, обрезает волосы, переживает на семейном совете и засыпает под древнегреческие мифы

СЕРЫЙ унылый рассвет робко заглянул в окно. Настя открыла глаза — все серое. И за стеклом, и в комнате, и на душе. «Почему, почему так происходит? Все говорят, жизнь — зебра. Черная полоса, белая полоса, то пошире, то поуже. А бывают зебры серые? — Настя встала, раскладушка противно заскрипела «иа-а, иа-а». — Серая зебра — это осел. Косматенький такой, длинноухий. И голос у него противный. Особенно тягучая, с придыханием, „а-а-а“».

Духота в комнате стала нестерпимой: форточку на ночь не разрешили открыть из-за Стаса — свалился на ее голову вместе с больным горлом. Жили же каждый в своей комнате и горя не знали. Теперь этот вундеркинд юный рядом. Учебный год только начался, а он уже ее — ее, Настины, учебники прочитал! Вопросами замучил: «Почему эту задачу так надо решать, если вот так гораздо лучше? А зачем... А для чего... А куда?..» «Энциклопедия ходячая. Ой-ой-ой...» — Настя даже застонала: и на гитаре не поиграть, и рок любимый не послушать толком — в наушниках, чтобы братцу не мешать. Ему, видите ли,

громкие звуки вредны. А какой рок в наушниках?! Все из-за бабушки. Нервными рывками Настя собрала раскладушку, запихнула в угол, сверху пристроила сложенные стопкой подушку, одеяло и простынку. Серые. В тонкую розовую полоску. Она наткнулась на этот комплект постельного белья совершенно случайно, в магазине рядом с домом, и чем-то он сразу приглянулся. То ли даже на вид нежной, струящейся тканью, то ли зыбким перламутровым переливом серого и розового. Мама говорила, что шелк очень дорого стоит, но в конце концов согласилась, и этот комплект стал подарком на Настин тринадцатый день рождения.

На кухонном столе, на тарелке с голубой каемкой, лежал приготовленный с вечера завтрак: два сваренных вкрутую яйца, пачка зерновых хлебцев, рядом — баночка цветочного меда. Надоевшее «правильное питание». Она очистила от скорлупы яйца, разрежала каждое вдоль — получилось целых четыре белых облака, каждое со своим маленьким желтым солнцем. «Жаль, майонезиком нельзя сдобрить. — Настя сглотнула слюну. — Нет. Нет. И еще раз нет соблазну! Ничего, посолю, поперчу, оливковым маслицем сбрызну». Потянулась за пиалой-солонкой — пустая. Надо же, соль просыпала вчера, а солонку так никто и не наполнил. Настя достала с полки банку с солью. Крышечка никак не поддавалась, Настя крутила ее и так и сяк. В конце концов резьба сорвалась, и соль буквально вывалилась из банки.

«Блин горелый! Второй раз подряд... Что же теперь будет? — Она стряхнула соль со стола в мусорное

ведро. — Опять позавтракать не успею... Я в детской... Бабушка... Никто меня не любит... Раскладушка... — Мысли летели быстро, торопились, подталкивали одна другую. Менялись и перемешивались. — Так. Стоп. Соберись, тряпка! К выходу готова. Ноги в боты, рюкзак на плечо, крекер в зубы — пошла!» — Настя помчалась на тренировку.

В раздевалке уже никого не было. Настя заметалась от шкафчика к душе и обратно, второпях загнула под скамью резиновый шлепанец. Нагнувшись за ним, уронила полотенце, махнула на все рукой: «Не мой день!» — и босиком выбежала к бассейну. У бортика стояли три группы. Центральная «группа» состояла из одного человека — Сары Маратовны. Та стояла, как памятник Петру Первому, расставив ноги, уперев руки в бока и высоко подняв подбородок. Рот со стиснутыми губами превратился в тонкую ниточку. Настя поняла, что Маратовна считает про себя до десяти «через овцу» — она так делала, когда жутко, невероятно злилась. «Ой-ой-ой, случилось что... Ну, ничего, „кто плавает, тот не утонет“». — Настя перевела взгляд налево: Вика и Мари, приняв „модельные“ позы, громко и ненатурально хихикали, искоса поглядывая вправо из-под опущенных ресниц. — И Викомарики что-то засуетились». — Настя проследила за их взглядами.

В этой третьей группе стоял и тихо переговаривался с ребятами... Аполлон. Не просто Аполлон. Аполлон в квадрате, в кубе, в невысказанно какой степени Аполлон. Ожившая античная статуя. Длинные ноги, идеальное стройное, крепкое тело, широкие